

Итак, вас публично опозорили. Как незнакомцы из социальных сетей превращаются в палачей

Автор:

[Джон Ронсон](#)

Итак, вас публично опозорили. Как незнакомцы из социальных сетей превращаются в палачей

Джон Ронсон

Мегаполис на грани нервного срыва. Книги, которые помогут понять наше общество

Несколько лет Джон Ронсон изучал феномен «публичного шейминга», встречаясь с его жертвами, оскандалившимися по-крупному. Всего одно прегрешение – и волна народной ярости накатывала подобно мощному цунами, снося все на своем пути. Что это: новый вид правосудия или превышение полномочий? «Итак, вас публично опозорили» – это исследование Ронсона, одновременно обескураживающее и невероятно смешное, о том, как люди под прикрытием восстановления справедливости порой буквально разрушают жизни других людей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Джон Ронсон

Итак, вас публично опозорили: как незнакомцы из социальных сетей превращаются в палачей

Посвящается Элейн

© Наталья Ивкина, перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

Храброе сердце

Эта история началась в первых числах января 2012 года, когда я обнаружил, что другой Джон Ронсон начал что-то постить в Твиттер. Вместо его фотографии висела фотография моей физиономии. Его ник – @jon_ronson[1 - Настоящий ник Джона Ронсона в Твиттере – @jonronson (здесь и далее – прим. перев.)]. Его последний твит, появившийся, пока я в неверии смотрел на ленту, гласил: «Еду домой. Нужно достать рецепт: огромное блюдо гуараны и мидий в булочке с майонезом: D #вкусняшка».

«Ты кто такой?» – твитнул я ему.

«Смотрю #Сайнфелд. Сейчас бы огромную тарелку кебабов из сельдерея, окуня и сметаны с лемонграссом #гурман», – твитнул он.

Я не знал, что мне делать.

На следующее утро я открыл ленту @jon_ronson еще раньше, чем свою собственную. В ночи он твитнул: «Снится что-то про #время и #член».

У него было двадцать фолловеров. Некоторых из них я знал в реальной жизни, и они, наверное, задавались вопросом, с чего вдруг я стал с таким восторгом относиться к фьюжн-кухне и с такой откровенностью писать о снах.

Я провел небольшое расследование. Выяснилось, что один молодой исследователь, ранее связанный с Уорикским университетом, по имени Люк Роберт Мейсон за несколько недель до этого оставил комментарий на сайте «Гардиан». Это был реплай к моему короткому видеоролику, посвященному

спам-ботам. «Мы создали для Джона личного инфоморфа, – написал он. – Его можно найти в Твиттере: @jon_ronson».

«А, так это какой-то спам-бот, – подумал я. – Ну ладно. Все будет нормально. Видимо, Люк Роберт Мейсон решил, что мне понравится спам-бот. Когда он узнает, что это не так, то все удалит».

Так что я твитнул ему: «Привет! Отключишь того спам-бота, пожалуйста?»

Прошло десять минут. Затем он ответил: «Мы предпочитаем термин “инфоморф”».

Я насупился.

«Он выдает себя за меня», – написал я.

«Инфоморф не выдает себя за вас, – пришел ответ. – Он видоизменяет информацию из соцсетей и создает инфоморфную эстетику».

Мне стало трудно дышать.

«#класс черт возьми, я настроен на приличную тарелку лука на гриле и хлеба с толстой коркой», – твитнул @jon_ronson.

Я сражался с роботизированной версией самого себя.

Прошел месяц. @jon_ronson по двадцать раз на дню постил информацию о водвороте своей светской жизни, различных «суаре» и широком круге друзей. Теперь у него было пятьдесят фолловеров. Все они получали катастрофически искаженное отображение моих взглядов на суаре и друзей.

Из-за спам-бота я чувствовал себя бессильным и выпачканным в грязи. Незнакомцы вывернули мою личность шиворот-навыворот, и мне некуда было обратиться за помощью.

Я твитнул Люку Роберту Мейсону. Окей, он упрямо не желал отключать спам-бота, но, возможно, мог хотя бы встретиться со мной? Я бы заснял эту встречу на

видео и выложил на Ютуб. Он согласился, добавив, что с радостью объяснит мне философские идеи, лежащие в основе инфоморфа. Я ответил, что с радостью выслушаю философские идеи, лежащие в основе спам-бота.

Я арендовал помещение в центре Лондона. Люк приехал еще с двумя мужчинами – за спам-ботом стояла целая команда. Все трое оказались преподавателями. Они познакомились в Уорикском университете. Люк был младше всех, симпатичный, чуть за двадцать, «исследователь в области технологий и киберкультуры, директор конференции “Верчуал Фьючерс”», согласно его онлайн-резюме. Дэвид Баузола выглядел как развязный учитель, из тех, кто вполне может выступить на конференции, посвященной творчеству Алистера Кроули[2 - Английский поэт, писатель и оккультист; создатель учения телема.]. Он оказался «креативным технологом» и генеральным директором диджитал-агентства «Филтер Фэктори». У Дэна О’Хара голова была обрита, а его глаза пронзали насквозь и создавали впечатление, что их владельца все достало. Челюсть сжата. Ему было под сорок, он читал лекции по английской и американской литературе в Кельнском университете. До этого он был лектором в Оксфорде. Он написал одну книгу о писателе Джеймсе Грэме Балларде под названием «Исключительные метафоры»[3 - Extreme Metaphors, by J.G.Ballard, Simon Sellars, Dan O’Hara.] и еще одну – под названием «Томас Пинчон: Шизофрения и общественный контроль»[4 - Thomas Pynchon: Schizophrenia & Social Control, by Dan O’Hara, Eric Cassidy.]. Насколько я понял, непосредственно созданием спам-бота занимался Дэвид Баузола; двое других обеспечили «анализ и консультирование».

Я предложил им сесть на диван в ряд, чтобы они все вошли в кадр. Дэн О’Хара выразительно посмотрел на остальных.

– Давайте подыграем, – сказал он им. Все сели, Дэн – посередине.

– Что вы подразумеваете под «подыгрыванием»? – спросил я у него.

– Это про психологический контроль, – ответил он.

– Вы считаете, что то, что я усадил вас в ряд на один диван, – это мой способ психологически контролировать вас? – спросил я.

– Ну конечно, – сказал Дэн.

– Каким образом?

– Я делаю то же самое со своими студентами, – сказал Дэн. – Я сажусь на отдельно стоящий стул, а их сажаю в ряд на диване.

– А с чего бы вам хотеть психологически контролировать каких-то студентов? – спросил я.

На мгновение на лице Дэна промелькнуло беспокойство, словно его поймали на произнесении чего-то отвратительного.

– Чтобы контролировать учебную обстановку, – сказал он.

– Вы чувствуете себя некомфортно? – спросил я.

– Нет, не особо, – сказал Дэн. – А вы? Вам некомфортно?

– Да, – ответил я.

– Почему? – спросил Дэн.

Я обстоятельно разъяснил свои претензии.

– Специалисты из научных кругов, – начал я, – не вторгаются в жизнь человека без приглашения и не используют его ради какого-то научного эксперимента. А когда я попросил вас все устранить, вы сразу: «Ох, ну это не спам-бот, это инфоморф».

Дэн кивнул. И наклонился вперед.

– Предполагаю, в мире полно Джонов Ронсонов? – начал он. – Людей, носящих то же имя, что и вы? Да?

Я с подозрением посмотрел на него. И осторожно ответил:

– Уверен, что есть и другие люди с тем же именем, что у меня.

– И у меня та же проблема, – улыбаясь, сказал Дэн. – Есть еще один профессор, которого зовут так же, как и меня.

– У вас не та же проблема, – сказал я, – потому что та же проблема – это тот факт, что три незнакомых мне человека украли мою личность, создали роботизированную версию меня самого и отказываются от нее избавляться – хотя все они из весьма солидных университетов и даже выступают на конференции TED.

Дэн многострадально вздохнул.

– Вы говорите: «Есть лишь один Джон Ронсон», – сказал он. – Вы воображаете себя, скажем так, истинным и хотите сохранить эту цельность и аутентичность. Да?

Я уставился на него.

– Думаю, это вы досаждаете нам, – продолжил Дэн, – потому что для нас это не особенно убедительно. Мы думаем, что налет неискренности уже есть, и вы стараетесь защитить свою онлайн-личность – свой бренд. Так?

– НЕТ, ПРОСТО ЭТО Я ПИШУ ТВИТЫ! – заорал я.

– Интернет – это не реальный мир, – сказал Дэн.

– Я пишу свои собственные твиты, – сказал я. – И я нажимаю на кнопку «Твитнуть». Так что это я – в Твиттере.

Мы уставились друг на друга.

– Это не академично, – сказал я. – Это не постмодерн. И это факт.

– Это необычно, – сказал Дэн. – Мне это кажется очень странным – то, как вы относитесь к ситуации. Вы, видимо, один из немногих людей, которые решили зарегистрироваться в Твиттере и использовать собственное имя в качестве

юзернейма. Кто так делает? И поэтому мне кажутся слегка подозрительными ваши мотивы, Джон. Поэтому я говорю, что думаю, что для вас это бренд-менеджмент.

Я ничего не ответил, но меня и по сей день убивает тот факт, что мне и в голову не пришло обратить внимание Люка Роберта Мейсона на его собственный юзернейм – @LukeRobertMason.

Наша беседа шла в подобном ключе еще около часа. Я сказал Дэну, что ни разу в своей жизни не использовал термин «бренд-менеджмент», мне чужд подобный язык. И добавил:

– То же самое с вашим спам-ботом. Его язык отличается от моего.

– Да, – хором согласились все трое.

– Это и бесит меня больше всего, – объяснил я. – Это некорректное отображение меня.

– А вы бы хотели, чтобы он был больше похож на вас? – спросил Дэн.

– Я бы хотел, чтобы его не существовало, – сказал я.

– Это необычно, – сказал Дэн. И присвистнул, словно в неверии. – Мне это кажется очень интересным с точки зрения психологии.

– Почему? – спросил я.

– Я нахожу это заявление весьма агрессивным, – сказал он. – Вы хотите, чтобы мы убили этот алгоритм? Должно быть, вы каким-то образом чувствуете некую угрозу. – Он обеспокоенно посмотрел на меня. – В обычной жизни мы не шатаемся по улицам, пытаясь убить все, что кажется нам раздражающим.

– Вы ТРОЛЛЬ! – взревел я.

Когда интервью подошло к концу, я, пошатываясь, вышел навстречу лондонскому дню. Меня приводила в ужас мысль о том, что нужно залить это

видео на Ютуб: я в нем слишком много кричал. Я морально подготовился к комментариям, высмеивающим мою визгливость, и загрузил его. Подождал десять минут. Затем с опаской открыл его.

«Это кража личности, – гласил первый увиденный мной комментарий. – Они должны уважать личную свободу Джона».

Ого, настороженно подумал я.

«Кто-то должен создать левые Твиттер-аккаунты этих сраных клоунов и постоянно писать об их пристрастии к детской порнографии», – гласил следующий комментарий.

Я ухмыльнулся.

«Эти люди – настоящие козлы-манипуляторы, – гласил третий комментарий. – к черту их. Засудите их, сломайте, уничтожьте. Если бы я встретился с ними лицом к лицу, то сказал бы, что они долбаные ублюдки».

У меня голова закружилась от восторга. Я словно был героем фильма «Храброе сердце» – скакал по полю в одиночестве, а потом вдруг оказалось, что за мной еще сотни людей.

«Подлые, возмутительные идиоты, которые играют с чужой жизнью и потом смеются над болью и злостью жертвы», – гласил следующий комментарий.

Я рассудительно кивнул.

«Отъявленные омерзительные уроды, – гласил следующий комментарий. – Эти упоротые профессора заслуживают умереть мучительной смертью. Тот мудака посередине – чертов психопат».

Я слегка нахмурился. Надеюсь, никто не решит и впрямь им навредить, подумал я.

«Отравить газом этих мудаков. Особенно мудака посередине. И особенно лысого мудака слева. И особенно мудака-тихоню. А потом обоссать их трупы», – гласил

следующий комментарий.

Я победил. В течение следующих нескольких дней профессора обезвредили аккаунт @jon_gonson. Их пристыдили и вынудили сдаться. Это публичное осуждение было подобно нажатию на кнопку, сбрасывающую все до заводских настроек. Что-то пошло не так. Общество взбунтовалось. Равновесие было восстановлено.

Профессора устроили из удаления спам-бота настоящий спектакль. Они написали колонку в «Гардиан», объясняя, что цель была куда глобальнее – выставить напоказ тиранию алгоритмов Уолл-стрит. «Боты манипулируют не только жизнью Ронсона. А всеми нашими», – написали они. Я все еще не понимаю, каким образом мысль о том, что я якобы ем дамплинги[5 - Вариация пельменей или вареников в азиатской кухне.] с васаби, может приковать внимание общественности к бичеванию алгоритмов Уолл-стрит.

«Меня попросили отключить тебя – ты понимаешь, что это означает?» – твитнул Дэвид Баузола спам-боту. А потом еще: «У тебя есть еще пара часов. Надеюсь, ты ими воспользуешься».

«Да нажмите уже на кнопку выключения, – написал я ему. – Господи!»

Я был счастлив одержать победу. И чувствовал себя отлично. Это прекрасное чувство окутало меня с ног до головы подобно успокоительному. Незнакомцы со всех уголков планеты объединились, чтобы сказать мне, что я прав. Это была идеальная развязка.

Теперь я вспоминаю и другие недавние случаи публичной порки в соцсетях, которыми я гордился и которым был весьма рад. Первый из них, абсолютно великолепный, случился в октябре 2009 года. Солист ирландской группы «Бойзон» Стивен Гейтли был обнаружен мертвым во время отдыха со своим партнером Эндрю Коулсом. Коронер подтвердил, что смерть носила ненасильственный характер, но колумнистка Ян Мойр написала в статье для «Дейли мейл»: «Какой бы ни была причина смерти, она, как ни крути, не является естественной... она наносит еще один удар по мифу о “жили долго и счастливо” в отношении гражданского партнерства[6 - Легализованная возможность заключить партнерский союз для людей, не имеющих возможности

или желания зарегистрировать брак по закону.]».

Мы не собирались мириться с очередной волной дремучей нетерпимости, и в результате коллективной ярости компании «Маркс энд Спенсер» и «Нестле» потребовали, чтобы их рекламные баннеры были удалены с сайта «Дейли мейл». Отличные были времена. Мы побили «Мейл» оружием, которое они не понимали, – шейминг в социальных сетях.

С тех пор, когда кто-то из сильных мира сего оступался, мы были начеку. Когда «Дейли мейл» высмеяла благотворительный банк еды за то, что его сотрудники выдали продуктовый набор их репортеру и не проверили паспорт, аудитория Твиттера отреагировала, пожертвовав на благотворительность 39 тысяч фунтов стерлингов к концу того же дня.

«Вот что круто в соцсетях, – написал один из пользователей Твиттера об этой кампании. – “Мейл”, которая зиждется преимущественно на лжи читателям касательно их соседей, не может справиться с тем, что люди общаются между собой, формируют собственные мнения».

Когда «Лос-Анджелес фитнес» отказался отменить членство в клубе для пары, в которой оба партнера потеряли работу и не могли позволить себе платить за абонемент, мы активизировались. «Лос-Анджелес фитнес» поспешно пошел на уступки. Этих исполинов побеждали люди, которые раньше считались беспомощными: блогеры, любой человек с аккаунтом в социальных сетях. А оружием, рубящим их, оказалось что-то новое: онлайн-шейминг.

А затем в один прекрасный день до меня вдруг дошло. Происходит что-то, имеющее реальные последствия. Мы находимся в самом начале эпохи Возрождения общественного порицания. 180 лет спустя (публичные наказания были отменены в 1837 году в Соединенном Королевстве и в 1839 – в США) оно вернулось – причем в крупных масштабах. Напирая на чувство стыда, мы использовали чрезвычайно мощное оружие. Силовое, безграничное, увеличивающееся по скорости и влиянию. Иерархии уравнивались. Прежде молчавшие обретали голос. Правосудие словно демократизировалось. И я принял решение. В следующий раз, когда великая волна современного порицания обрушится на некоего значимого нечестивца – в следующий раз, когда гражданское правосудие драматически и праведно восторжествует, – я брошусь в самую гущу событий. Я проведу тщательное расследование и выясню, насколько эффективен этот способ исправления ошибок.

Долго ждать не пришлось. @jon_gonson был деактивирован 2 апреля 2012 года. Всего двенадцать недель спустя, ночью 4 июля, мужчина, валявшийся на диване в Форт Грин в Бруклине, обдумывал, о чем писать в блог, и совершил весьма неожиданное открытие.

2

Какое счастье, что я не такой

Ночью 4 июля 2012 года Майкл Мойнихэн лежал на диване. Его жена Джоанна и ребенок спали наверху. Семья была на мели – как всегда. Казалось, что в мире журналистики все зарабатывают больше Майкла. «У меня никогда не получается извлекать из чего-то финансовую выгоду, – скажет он мне потом. – Я не умею это делать».

Беспокойные были времена. В тридцать семь лет он пытался наскрести на жизнь, будучи блогером и фрилансером, живущим в доме без лифта в районе Форт Грин, Бруклин.

Но ему предложили работу. «Вашингтон пост» хотела, чтобы он вел их блог в течение десяти дней. Правда, время не самое подходящее: «4 июля[7 - Национальный праздник в США – День независимости.]. Все отдыхают. Читателей не было, новостей тоже не слишком много». Тем не менее. Это был прорыв. И это нервировало Майкла до чертиков. Стресс уже испортил ему поездку в Ирландию к родственникам жены и теперь не давал спокойно сидеть на диване.

Майкл начал выискивать идеи для статей. Неожиданно для самого себя он скачал самый свежий нон-фикшн бестселлер, занимающий первую строчку рейтинга «Нью-Йорк таймс», за авторством молодого, симпатичного и всемирно известного психолога Джоны Лерера. Книга была посвящена природе творчества и носила название «Вообрази. Как работает креативность»[8 - На русском языке книга вышла в издательстве «Corpus» в 2013 году.].

Первая глава, «Мозг Боба Дилана», привлекла к себе внимание Майкла, который считал себя заядлым «диланологом». Джона Лерер реконструировал переломный момент в творческой карьере Дилана – мыслительный процесс, который привел к написанию им песни «Like a Rolling Stone».

Шел май 1965 года, и Дилан устал, вымотался в ходе своего изнурительного гастрольного тура, «похудел от бессонницы и таблеток». Его тошнило от собственной музыки; он думал, что ему уже нечего сказать. Как написал Джона Лерер,

Он был уверен только в одном: больше так продолжаться не может. Каждый раз, читая о себе в газете, Дилан оставлял один и тот же комментарий: «Боже, какое счастье, что я – это не я». Он говорил: «Какое счастье, что я не такой».

Дилан сказал своему менеджеру, что уходит из музыкального бизнеса. Он переехал в крохотное жилище в Вудстоке, штат Нью-Йорк, и планировал, возможно, написать роман.

Но затем, когда Дилан уже твердо вознамерился завязать с музыкой, его охватило странное чувство.

«Это сложно описать, – вспоминал он позднее. – Такое ощущение, что тебе просто есть что сказать».

Неудивительно, что «Вообрази» стала бестселлером. Кому не захочется прочесть такое в момент творческого застоя и безнадеги, раз сам Боб Дилан чувствовал себя так же – прямо перед тем, как написал песню «Like a Rolling Stone»?

Но стоит пояснить. Майкл Мойнихэн скачал книгу Джоны Лерера не потому, что переживал творческий кризис и нуждался во вдохновляющем совете касательно того, о чем писать в блог «Вашингтон пост». Незадолго до этого Джона Лерер оказался в эпицентре небольшого скандала, о котором Майкл подумывал написать. Как оказалось, некоторые из колонок, которые Лерер вел в «Нью-

йоркере», оказались частично заимствованы из текстов, которые он писал месяцами ранее для «Уолл-стрит джорнал». Майкл планировал написать о том, почему так называемый самоплагиат в Великобритании считается менее значимым преступлением, чем в Америке, и что это говорит о двух культурах.

Но на этом месте Майкл вдруг перестал читать. И вернулся на предложение назад.

«Это сложно описать, – вспоминал он позднее. – Такое ощущение, что тебе просто есть что сказать».

Майкл сузил глаза. «Когда, черт возьми, Боб Дилан сказал такое?» – подумал он.

– Что вызвало у тебя подозрения? – спросил я Майкла.

Мы сидели за ланчем в нью-йоркском ресторане «Кукшоп», в Челси. Майкл был обаятелен и суетлив. Его глаза были бледными, как у хаски, а взгляд бегающим.

– Просто не звучало так, как сказал бы Дилан, – ответил он. – В тот период он в любом интервью вел себя как последняя скотина по отношению к собеседнику. А это прозвучало как цитата из селф-хелп книги.

И тогда, сидя на диване, Майкл пробежался по предыдущим параграфам.

Каждый раз, читая о себе в газете, Дилан оставлял один и тот же комментарий: «Боже, какое счастье, что я – это не я». Он говорил: «Какое счастье, что я не такой».

В документальном фильме Донна Алана Пеннебейкера «Не оглядывайся» Дилан читает статью о себе: «Он выкуривает одну за другой восемьдесят сигарет в день...» Смеется. «Боже, какое счастье, что я – это не я».

Майкл задумался: с чего Джона Лерер решил, что Дилан говорит так каждый раз, читая о себе в газете? Откуда вообще взялось это «каждый раз»? И да, «Боже, какое счастье, что я – это не я» можно подтвердить источником. Но что насчет «Какое счастье, что я не такой»? Когда Дилан сказал «Какое счастье, что я не ТАКОЙ»? Откуда Лерер взял «Какое счастье, что я не ТАКОЙ»?

И Майкл Мойнихэн написал Джоне Лереру.

«Я начал знакомство с вашей книгой и, будучи помешанным на Дилане, быстро проглотил первую главу... Я довольно неплохо знаком с канонами Дилана, и в книге нашлись некоторые цитаты, которые меня слегка смутили; я не смог определить их происхождение...»

Это первое письмо Майкла Джоне Лереру. Он зачитал его мне в гостиной своего дома в Форт Грин. Его жена Джоанна сидела с нами. Вокруг валялись детские игрушки.

К моменту отправки письма 7 июля Майкл выделил шесть подозрительных цитат Дилана, включая «Такое ощущение, что тебе просто есть что сказать», «Какое счастье, что я не такой» и резкий ответ пытливым журналистам: «Мне нечего сказать о своих песнях. Я их просто пишу, вот и все. Нет никакого великого посыла. Перестаньте просить меня что-то разъяснить».

В «Не оглядывайся» Дилан достоверно сказал: «Мне нечего сказать о своих песнях. Я их просто пишу, вот и все. Нет никакого великого посыла».

Но никакого «Перестаньте просить меня что-то разъяснить».

Майкл прописал, что у него есть дедлайн: в течение ближайших десяти дней он ведет блог «Вашингтон пост». И нажал «Отправить».

На следующий день Джона ответил Майклу дважды. Тон писем был дружелюбным, профессиональным, деловым, возможно, несколько снисходительным. Он оставил впечатление умного молодого ученого, который понимает вопросы Майкла и обещает предоставить ответы на них в течение разумного времени в соответствии со своим графиком. То есть через

одиннадцать дней. Он уехал в отпуск в Северную Калифорнию на десять дней. Все документы остались дома, в семичасовой езде от него. Ему не хочется прерывать отдых четырнадцатичасовой поездкой домой ради проверки всех файлов. Если Майкл готов подождать десять дней, Джона вышлет ему детальную сводку.

Майкл улыбнулся, зачитывая мне этот отрывок из письма Джоны. С учетом сроков его контракта с «Вашингтон пост» одиннадцать дней – очень удобная продолжительность отпуска.

Тем не менее Джона написал, что постарается ответить на вопросы Майкла по памяти.

– И вот тут, – сказал Майкл, – все начало разваливаться. Вот тут он впервые лжет, недооценивая значимость сказанного. Он колеблется. «А надо ли солгать?»

И солгал.

«Мне помог один из менеджеров Дилана», – написал Джона.

Этот менеджер предоставил ему доступ к не публиковавшимся ранее оригинальным транскриптам интервью Дилана. Если есть какие-то несоответствия с тем, что можно найти в Интернете, то вот причина.

В таком ключе письма Джоны растянулись на несколько параграфов. Дилан сказал одному интервьюеру с радио «перестать просить что-то разъяснить» в 1995 году. Транскрипт интервью появился на страницах многотомной антологии под названием «Скрипач заговорил»[9 - The Fiddler Now Upspoke: A Collection of Bob Dylan's Interviews, Press Conferences and the Like from Throughout the Master's Career, by Bob Dylan.]. И так далее. Затем Джона поблагодарил Майкла за интерес, откланялся, а в конце письма строкой сообщалось: «Отправлено с iPhone».

– «Отправлено с iPhone», – сказал Майкл. – Довольно длинное письмо, чтобы отправлять его с телефона. Попахивает паникой. Потные пальчики, знаете ли.

Кто знает, был ли Джона Лерер и правда в отпуске? Но Майклу пришлось поверить ему на слово. И наступило временное затишье. Затишье означало, что публикация в блоге «Вашингтон пост» отменяется – с учетом того, сколько времени Майклу нужно было потратить на свое расследование. «Скрипач заговорил» как источник оказалась настоящим ночным кошмаром: «Одиннадцать томов, двенадцать томов, пятнадцать томов. Отдельные экземпляры – 150 долларов, 200 долларов».

Возможно, Джона Лерер решил, что Майклу не хватит ресурсов отследить, приобрести и тщательно изучить столь грандиозную и малоизвестную антологию, как «Скрипач заговорил». Но он недооценил его упорство. Что-то в нем смутно напоминало мне киборга из «Терминатора 2», еще более цепкого, чем Арнольд Шварценеггер, бегающего быстрее самой быстрой машины. Жена Майкла, Джоанна, сказала:

– Майкл – блюститель социальных норм. – Затем повернулась к нему: – Ты хороший парень до тех пор, пока все остальные... – и осеклась.

– Когда я выхожу на улицу, – сказал Майкл, – и вижу, как кто-то бросает на землю мусор, то просто зверею. Это самый бессмысленный поступок. Для чего так делать?

– И это длится часами, – подхватила Джоанна. – Мы гуляем, приятно проводим время, и вот этот бубнеж растягивается на полчаса...

– Я вижу, как все летит к чертям, – сказал Майкл.

Так что он отыскал электронную версию «Скрипача». Ну... не прямо-таки электронную версию, но, по словам Майкла, «полный архив всех известных миру интервью Боба Дилана под названием “Все засоряющие разум слова”, фактически – диджитал-версия, скомпонованная фанатом и выложенная в Интернет». Оказалось, что Боб Дилан дал лишь одно радиointerview в 1995 году и во время него ни разу не сказал собеседнику «перестать просить что-то разъяснить».

11 июля Майкл гулял в парке с женой и дочерью. Было жарко. Дочка забегала в фонтан и выбегала из него обратно. У Майкла зазвонил телефон. Голос в трубке

сказал: «Это Джона Лерер».

Теперь я знаю, как звучит голос Джоны Лерера. Если бы надо было описать его одним словом, этим словом стало бы «сдержанный».

– Мы довольно спокойно поговорили, – сказал Майкл, – о Дилане, о журналистике. Я объяснил ему, что не пытаюсь сделать себе имя на этой истории. Я объяснил, что годами упорно трудился и просто, ну, делаю то, что делаю, зарабатываю на жизнь семье, что все в порядке.

То, как Майкл произнес слово «в порядке», прозвучало как «не особо в порядке». Это был голосовой эквивалент обеспокоенного взгляда.

– Я сказал ему, что я не из тех таблоидных ребят а-ля «покажите, кого нужно публично сжечь на площади, и люди узнают, кто я». И Джона сказал: «Я очень признателен за это».

Майклу понравился Джона.

– Мыладили. Все прошло довольно неплохо. Это был очень приятный разговор.

Они распрощались. Через несколько минут Джона отправил Майклу письмо, в котором снова поблагодарил его за сдержанность и за то, что он не из тех журналистов, что упиваются унижением. Они были совсем не похожи на Майкла.

После этого Майкл залег на дно, чтобы раскопать побольше информации о Джоне.

Хорошие шли деньки. Майкл чувствовал себя Эркюлем Пуаро. Заявление Джоны о том, что ему помогал один из менеджеров Дилана, показалось ему подозрительно мутным. И правда – оказалось, что у Боба Дилана всего один менеджер. Его звали Джефф Розен. И хотя адрес электронной почты Джеффа Розена было сложно отыскать, Майкл справился и с этим.

Майкл написал ему. Разговаривал ли он хоть раз с Джоной Лерером? Джефф Розен ответил нет.

И Майкл отправил еще одно письмо Джоне, в котором пояснил, что у него появились новые вопросы.

В ответе Джоны звучали нотки удивления. Майкл что, все еще планирует что-то писать на эту тему? Потому что ему казалось, что Майкл не собирается больше работать над этой публикацией.

Майкл скептически потряс головой, пересказывая мне эту часть истории. Джона явно убедил себя, что умаслил Майкла и отговорил его проводить какое-либо расследование. Но нет.

– Плохие лжецы вечно думают, что отлично справляются, – сказал мне Майкл. – Они пребывают в постоянной уверенности, что останутся в выигрыше.

«Я разговаривал с Джеффом Розеном», – сказал Майкл Джоне.

И в этот момент, по словам Майкла, Джона слетел с катушек.

– Он просто сорвался. Я такого никогда не видел.

Джона начал постоянно названивать Майклу, умоляя его не публиковать эту историю. Иногда Майкл переключал свой телефон на беззвучный режим. А когда снова брал его в руки, обнаруживал столько пропущенных звонков от Джоны, что делал скриншот экрана – в противном случае ему бы никто не поверил.

Я спросил Майкла, в какой момент это все перестает быть смешным.

– Когда твоя жертва начинает паниковать, – ответил он. Затем сделал паузу. – Такое ощущение, словно ты охотишься где-то в лесах и думаешь: «Вау, это так классно!» А потом пристреливаешь животное, и оно лежит на земле в судорогах и ждет, когда ты его добьешь, а ты такой: «Я не хочу быть человеком, который это сделает. Это просто ужасно, черт возьми».

Затем Майклу позвонил агент Джоны, Эндрю Вайли. Он представлял не только интересы Джоны, но также Боба Дилана, и Салмана Рушди, и Дэвида Боуи, и Дэвида Бирна, и Дэвида Рокфеллера, и В.С. Найпола, и «Вэнити фэйр»,

и Мартина Эмиса, и Билла Гейтса, и короля Иордании Абдаллу II, и Альберта Гора. Ладно, на самом деле, Эндрю Вайли не звонил Майклу.

– Он связался с человеком, который связался со мной и сказал перезвонить ему, – сказал Майкл. – Какой-то «Шпион, выйди вон». Он считается самым влиятельным литературным агентом в Соединенных Штатах, а я сопляк, я никто. И я перезвонил ему. Изложил дело. Он сказал: «Если ты это опубликуешь, то разрушишь жизнь парня. Думаешь, это стоит того, чтобы разрушить жизнь парня?»

– И что вы ответили? – спросил я.

– Я сказал, что обдумываю это, – ответил Майкл. – Думаю, Эндрю Вайли мультимиллионер, потому что он жутко проникательный. Потому что мне позвонил Джона и сказал: «Эндрю Вайли говорит, что ты начнешь действовать и опубликуешь эту историю».

В тот последний день – воскресенье, 29 июля – Майкл шел по Флэтбуш-авеню и кричал на Джону в телефонную трубку.

– «Нужно, чтобы ты сказал это под запись. Это нужно сделать, Джона. Нужно признаться». Мои руки дергались, как одержимые. Я был так зол, так раздосадован. Сколько же времени прошло впустую. Сколько лжи. А он продолжал ломаться.

Наконец что-то в голосе Джоны подсказало Майклу, что это вот-вот случится.

– Я забежал в ближайший киоск, купил какой-то дурацкий блокнот «Хеллоу Китти» и ручку, и за двадцать пять секунд он сказал: «Я запаниковал. И мне очень жаль, что я солгал». И все, – сказал Майкл. – Дело было сделано.

Двадцать шесть дней – и Майклу понадобилось сорок минут, чтобы написать статью. Так и не поняв, как зарабатывать на журналистике, он согласился отдать свою сенсацию маленькому еврейскому журналу «Тэблет». Поняв, как им повезло, «Тэблет» заплатил Майклу в четыре раза больше своей обычной ставки, но даже эта сумма была не слишком выдающейся – 2200 долларов, и это все, что

он получил от всей этой истории.

Сорок минут, чтобы написать то, что потребовало выкуривания девяти пачек сигарет.

– Раз уж на то пошло, Джона Лерер чуть не убил меня, я скурил столько чертовых сигарет на пожарной лестнице дома. Вечно курил, курил, курил. Когда у тебя есть возможность нажать «Отправить» и этим значительно повлиять на остаток жизни человека. А телефон все звонил, и звонил, и звонил, и звонил. Той воскресной ночью число пропущенных звонков от Джоны перевалило за двадцать. Двадцать четыре пропущенных, двадцать пять пропущенных. Я никогда не видел людей в таком состоянии.

– Он все продолжал звонить, – добавила Джоанна. – Очень печально. Не понимаю, с чего он взял, что вот это названивание – хорошая идея.

– Это была худшая ночь в его жизни, – сказал я.

– Да, да, конечно, – сказал Майкл.

В конце концов он ответил на звонок.

– Я сказал: «Джона, пора перестать звонить мне. Это уже граничит с харассментом». У меня было такое чувство, словно я отговариваю его от чего-то непоправимого. Я сказал: «Пообещай, что не будешь творить никаких глупостей». Паника дошла уже и до этого уровня. До такой степени, что я было подумал: а может, стоит отступить? Он все твердил: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста» – как детская игрушка, которая уже разваливается на части, протяжно гудит, разряжается. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

Майкл спросил меня, был ли я когда-нибудь в аналогичной позиции. Доходила ли до меня хоть раз некая информация, публикация которой могла уничтожить человека? В буквальном смысле уничтожить.

Я задумался на пару минут.

– Уничтожить кого-то? – переспросил я. Сделал паузу. – Нет, я так не думаю. Не уверен.

– Никогда этого не делайте, – сказал он.

Он сказал, что всерьез думал не нажимать на «Отправить» той ночью. У Джоны была маленькая дочь – того же возраста, что малышка самого Майкла. Майкл сказал, что не строил никаких иллюзий на этот счет. Он понимал, что после этого произойдет с жизнью Джоны:

– Что будет, если мы облажаемся? Мы не просто потеряем работу. Мы потеряем свое призвание.

Майкл вспомнил об экс-журналистах вроде Стивена Гласса из «Нью рипаблик». Гласс был автором нашумевшей в 1998 году статьи под названием «Хакерский рай» о пятнадцатилетнем школьнике, которому предложила работу компания, чьи программы он взламывал. Гласс писал так, словно был мухой на стене одного из офисов компании – Джакт Майкроникс, – пока подросток предъявлял свои требования:

«Я хочу больше денег. Хочу “миату”. Хочу поехать в Диснейленд. Хочу самый первый комикс про Людей Икс. Хочу пожизненную подписку на “Плейбой” – и “Пентхаус” тоже добавьте. Покажите мне деньги! Покажите деньги!»
Напротив него за столом сидит весь топ-менеджмент... они слушают и максимально тактично пытаются угодить ему. «Извините, сэр, – неуверенно говорит один из людей в костюме прыщавому подростку. – Извините. Простите, что перебиваю вас. Мы можем договориться о большей сумме».

Стивен Гласс, «Хакерский рай», «Нью рипаблик», 18 мая 1998

Вот только не было никакого конференц-зала, никакой Джакт Майкроникс, и подростка-хакера тоже не было. Журналист «Форбс диджитал» Адам Пененберг, раздосадованный тем, что сенсация непонятным образом ускользнула у него из-под носа на страницы «Нью рипаблик», провел собственное расследование и выяснил, что Гласс выдумал все до последнего слова. Гласса уволили. Он поступил на юридический, выпустился с отличием, в 2014 году подал заявку, чтобы открыть частную практику в Калифорнии, и получил отказ. Общественное

порицание неотступно следовало за ним, где бы он ни был, подобно грязевому облаку Пигпена из комикса «Пинатс». В чем-то они с Джоной Лерером были пугающе схожи: молодые «ботаники» еврейского происхождения, исключительно успешные журналисты на подъеме, досочинившие несколько фактов. Но Гласс создал полноценные сценарии, категории персонажей, многочисленные диалоги. А додуманная Джоной фраза «Какое счастье, что я не такой» после «Какое счастье, что я – это не я» была глупой и некорректной, но мне казалось непостижимым, что мир может покарать его столь же жестоко. Мне казалось, что Майкл излишне драматизирует, если верит, что нажатие кнопки «Отправить» способно погрузить Джону в забытие уровня Стивена Гласса.

В итоге Майкл отнесся к этой истории философски. Он сказал, что она стала для него такой же западней, что и для Джоны. Словно они оба ехали в машине с отказавшими тормозами, вместе беспомощно неслись к этому концу. Разве мог Майкл не нажать на «Отправить»? Что бы подумали люди, если бы правда всплыла наружу? Что он скрыл историю ради карьерных перспектив? «Я бы оказался бесхребетным журналюгой, который продался Эндрю Вайли. Я бы в жизни больше не получил работу».

К тому же, по словам Майкла, за пару часов до этого произошло нечто такое, после чего сокрытие истории было уже невозможным. После того как Джона произнес свое признание в телефонном разговоре, Майкла трясло, и он решил зайти в бруклинское кафе в Парк-Слоуп, чтобы успокоиться. «Кафе Дю Нор». Сидя на веранде, он встретился с другим журналистом, автором «Вэнити фэйр» Даной Вашоном.

– Я работаю над одним материалом, и парень только что признался мне, что он чертов обманщик, – сказал ему Майкл.

– Кто? – спросил Дана Вашон?

– Не могу тебе сказать, – ответил Майкл.

В ту же секунду у него зазвонил телефон. На экране вызывающе высветилось имя: ДЖОНА ЛЕРЕР.

– Ох, Джона Лерер, – сказал Дана Вашон.

– Да пошел ты! – воскликнул Майкл. – Не вздумай никому рассказать!

Дана Вашон знал. Редакторы Майкла в «Тэблет» знали. Эндрю Вайли знал. Ничего уже нельзя было скрыть.

Так что Майкл нажал на кнопку «Отправить».

У Майкла состоялся один последний телефонный разговор с Джоной, когда оба уже знали, что все случилось. Это произошло всего через пару часов после того, как статья увидела свет. Майкл практически не спал той ночью. Он был выжат как лимон. Он сказал Джоне: «Хочу, чтобы ты знал, что, сделав все это, я чувствую себя дерьмово».

– И Джона выдержал паузу, – сказал мне Майкл. – А потом сказал мне, я не шучу, он сказал: «Знаешь, мне вообще плевать, как ты себя чувствуешь». – Майкл покачал головой. – Такая ледяная фраза.

Затем Джона сказал Майклу: «Мне очень, очень жаль...»

«Чего жаль? – подумал Майкл. – Что ты смошенничал? Солгал?»

«Мне очень жаль, что я вообще ответил на твое письмо», – продолжил Джона.

– И моим ответом, – сказал Майкл, – в общем-то, стала тишина.

Той ночью Майкл был «разбит». Я чувствовал себя ужасно. Я не чертов монстр. Я был попросту раздавлен и удручен. Жена подтвердит». Он снова проигрывал в голове все их телефонные разговоры. И внезапно в нем зародилось смутное подозрение. Возможно, этот «ледяной» Джона из последней беседы и был настоящим все это время. Возможно, все это время он пытался обвести его вокруг пальца, «пуская в ход эмоции», чтобы сыграть на совести Майкла. Возможно, Джона принял Майкла за «уступчивого парня, которым легко манипулировать». Когда Майкл сказал Джоне, что поговорил с Джеффом Розеном, тот ответил фразой «Значит, полагаю, ты лучший журналист, чем я».

Это вдруг зазвучало до невозможности покровительственно, словно он считал Майкла «каким-то придурком, который занимается ерундой, пытается найти новую подработку на фрилансе». Возможно, все, что Джона делал на протяжении уже нескольких недель, было частью лицемерного и тщательно продуманного плана.

Я задумался: а был ли Джона и впрямь лицемерным, или же в нем просто разыграл страх? Или Майкл объяснялся такими словами, чтобы чувствовать себя лучше? Лицемерие – это мерзко. Страх – человечно.

– Разговаривать с кем-то по телефону – все равно что читать роман, – сказал Майкл. – Разум сам пишет сценарий. Я в принципе знал, как он выглядит, потому что видел фотографии на книге, но никогда не встречался с ним раньше. Я не знал, как он ходит. Я не знал, какую одежду он носит. Разве что знал, что он позировал в этих своих хипстерских очках. Но за те четыре недели я начал представлять, какой у него характер. Какой дом. Небольшой дом. Он журналист. И я журналист. Я чертов сопляк. Я плачу за аренду. У меня все в порядке, я счастлив, но не сказал бы, что все идет отлично...

Это был примерно третий раз, когда Майкл назвал себя в разговоре со мной «сопляком» или кем-то в этом роде. Предполагаю, что он знал: выдвижение этого аспекта на первый план делает историю столкновения этих двух мужчин максимально драматичной, импонирующей. Блогер без имени и нечистая на руку звезда. Давид и Голиаф. Но я задумался: что, если он сделал это не только ради красного словца? Он говорил, что он не виноват в том, что наткнулся на эту историю; что он ничего на этом не заработал; что стресс чуть не прикончил его; что его буквально втянули в это Эндрю Вайли и Дана Вашон... до меня внезапно дошло: он был глубоко травмирован своим поступком. Когда он сказал мне: «Никогда этого не делай» – никогда не нажимай кнопку «Отправить» под историей, которая может разрушить чью-то жизнь, – это была не метафора. Он и правда имел это в виду.

– Я представлял, какой у него дом, небольшой дом, – продолжил Майкл. – Я сопоставлял свою жизнь с его. Его жена суетится, ребенок играет на заднем дворе, а он сидит в одной из двух спален, весь в поту. – Майкл сделал паузу. – А потом мой приятель из «Лос-Анджелес таймс» прислал мне статью 2009 года о покупке дома Джулиуса Шульмана.

Дом Шульмана. Фотография Майкла К. Вилкинсона, напечатанная с его разрешения.

Резиденция на Голливудских холмах и студия легендарного фотографа Джулиуса Шульмана продана за 2.25 миллиона долларов. Выполненный в стиле «мид-сенчури модерн» дом из стальных конструкций, построенный в 1950 году, спроектированный Рафаэлем Сориано, является историческим символом Лос-Анджелеса. Покупателем стал популярный писатель и лектор Джона Лерер. Его книга «Как мы принимаем решения»[10 - На русском языке книга вышла в издательстве «Corpus» в 2013 году.] переведена на десятки языков. Писатель испытывает симпатию к классическому дизайну.

Лорен Бил, «Лос-Анджелес таймс», 4 декабря 2010

– Это нечестно, – сказал Майкл. – Это глупо с моей стороны. В какой-то мере это бессовестно, завидовать его успеху. Но это немного изменило взгляд на ситуацию.

* * *

Через несколько недель после того, как Майкл рассказал мне историю с Джоной Лерером, я оказался на вечеринке в Лондоне и заговорил с не знакомым мне мужчиной. Он оказался театральным режиссером. Он спросил меня, о чем я пишу, и я рассказал ему о Майкле и Джоне. Порой, когда я излагаю события историй, над которыми работаю, за других людей, я чувствую, как на моем лице проявляется идиотская ухмылка в момент описания абсурдных ситуаций, в которых оказался тот или иной мой собеседник. Но не в этот раз. Пока я вводил его в курс дела, он поежился. И я вдруг понял, что сделал то же самое. Когда рассказ подошел к концу, он сказал:

– Все крутится вокруг ужаса, так?

– Какого ужаса? – переспросил я.

– Ужаса при мысли, что тебя раскроют, – сказал он.

Он выглядел так, словно идет на риск, даже упоминая само существование ужаса в разговоре со мной. Он имел в виду, что внутри каждого из нас пульсирует что-то, что, как мы отчаянно боимся, будет раскрыто и серьезно навредит репутации – наши личные версии фразы «Какое счастье, что я не такой» после «Какое счастье, что я – это не я». Думаю, он был прав. Возможно, в нашем секрете вовсе нет ничего вопиющего. Возможно, никто даже не сочтет его чем-то значимым, если он вдруг раскроется. Но мы не можем так рисковать. Так что храним его где-то глубоко внутри. Это может быть нарушение рабочей этики. Или просто чувство, что в любой момент посреди важной встречи мы можем выпалить какую-то ерунду, которая моментально докажет всем и каждому, что мы не профессионалы и вообще не приспособленные к жизни человеческие существа. Думаю, даже в нынешнюю эпоху излишней откровенности мы маскируем этот страх – подобно тому, как люди поступали с вещами вроде мастурбации до того, как все вокруг вдруг стали с бравадой рассказывать о ней онлайн. В случае с мастурбацией всем плевать. А вот репутация – это наше все.

Я перескочил на середину истории про Майкла/Джону, потому что восхищался Майклом и отождествлял себя с ним. Он олицетворял гражданское правосудие, а Джона – литературного мошенника в мире научпопа. Он сколотил состояние на эксплуатации и без того раздутого, эгоистичного жанра. И я все еще восхищаюсь Майклом. Но внезапно, когда театральный режиссер произнес ту фразу про «ужас, что тебя раскроют», я почувствовал, словно на какой-то миг передо мной приоткрылась дверца, за которой таится бескрайняя страна кошмаров, заполоненная миллионами перепуганных до смерти Джон. Скольких людей я изгнал на эту землю за тридцать лет работы в журналистике? Насколько же жутко было, наверное, быть Джоной Лерером.

3

Отчуждение

Раньон Каньон, Западный Голливуд. Если бы вы оказались просто случайным прохожим и не знали, что Джона Лерер абсолютно разбит, вы бы в жизни об

этом не догадались. Он выглядел так же, как на своих авторских снимках: располагающая внешность, слегка отрешенный взгляд, словно он думал о чем-то высоком и взвешенно излагал мысли своему спутнику, коим являлся я. Но мы вовсе не вели взвешенных бесед. Весь последний час Джона снова и снова повторял срывающимся голосом: «Мне не место на страницах вашей книги».

А я снова и снова отвечал: «Это не так».

Я не понимал, о чем он говорит. Я писал книгу о шейминге. И он как раз ему подвергся. Это была идеальная кандидатура.

Потом он вдруг остановился посреди дороги и внимательно посмотрел на меня.

– Моя история абсолютно не впишется в вашу книгу.

– Это почему? – спросил я.

– Как там было у Уильяма Дина Хоуэллса? – сказал он. – «Американцы любят трагедию с хеппи-эндом».

Точной цитатой Уильяма Дина Хоуэллса было бы: «Чего американская публика жаждет в театре, так это трагедии с хеппи-эндом». Думаю, Джона был весьма близок.

Я был там, потому что шейминг Джона казался мне важным событием – он знаменовал грядущие изменения. Джона был знаменитым, но оказавшимся бесчестным автором, которого разоблачил ранее не имеющий силы человек. И несмотря на то, что лицо Джона было искажено страданиями и паникой, я был уверен, что возрождение публичного осуждения – это хорошо. Посмотрите, кого уже успели свергнуть: узколобых колумнистов «Дейли мейл», исполинские сети спортзалов с жесткой политикой касательно отмены абонементов и – самое отвратительное – жутких ученых-создателей спам-ботов. За свою недолгую карьеру Джона написал несколько весьма интересных вещей. Некоторые его труды были просто замечательными. Но он неоднократно переходил границы, поступал некорректно, и раскрытие его обмана было закономерным.

И все же, пока мы шли бок о бок, я соперничал с Джоне. Вблизи было заметно, что он ужасно страдает. Майкл считал его состояние ширмой, «отличным, очень тщательно спланированным обманом». Я же думаю, что в его мире был сплошной хаос, и в тот последний день Джона был не «ледяным», а попросту разбитым.

«Я насквозь пропитан стыдом и сожалением, – написал он мне, прежде чем я вылетел в Лос-Анджелес, чтобы встретиться с ним. – Процесс шейминга просто чертовски жесток».

Представления Джоны о своем будущем были столь же мрачны, что и у Майкла, и у Эндрю Вайли. Он видел сплошную разруху до конца жизни. Представьте, каково это – быть тридцатиоднолетним в стране, которая свято верит в искупление и вторые шансы, и пребывать в убеждении, что у твоей трагедии нет счастливого конца. Но мне казалось, что он излишне пессимистичен. Разумеется, после раскаяния и некоторого времени в отчуждении он вполне мог убедить своих читателей и коллег, что способен исправиться. Способен найти способ вернуться. Ну, то есть... мы же не монстры.

* * *

Джона Лерер всегда мечтал писать о науке. После того как он согласился встретиться со мной, я нашел одно старое интервью, которое он дал для студенческой газеты десятью годами ранее, когда ему был двадцать один год.

Он хочет стать научным писателем. «Наука часто воспринимается как что-то холодное, – говорит он. – Я хочу перевести ее на другой язык и показать, насколько красивой она может быть».

Кристин Стерлинг, «Коламбия Ньюз», декабрь 2002

Это интервью было опубликовано по случаю того, что Джона получил стипендию Родса для двухгодичной программы обучения в Оксфордском университете. «Каждый год тридцать два молодых американца становятся стипендиатами программы Родса, – гласит текст на ее сайте, – и отбор проходит не только на основании их выдающейся академической успеваемости, но и характера,

приверженности другим и общему благу».

Билл Клинтон был одним из стипендиатов Родса, равно как и космолог Эдвин Хаббл, и кинорежиссер Терренс Малик. В 2002 году всего два студента Колумбийского университета были удостоены этой награды – Джона и Сайрус Хабиб, который сегодня, десять лет спустя, является одним из немногочисленных слепых американских политиков и самым высокопоставленным ирано-американцем в политической жизни США, занимающим должность в Законодательном собрании штата Вашингтон. Звучит потрясающе.

Джона начал писать свою первую книгу под названием «Пруст был нейробиологом»[11 - Proust Was a Neuroscientist, by Jonah Lehrer.], еще будучи стипендиатом Родса в Оксфорде. Ее посыл заключался в том, что все сегодняшние великие открытия нейробиологии были сделаны веком ранее творческими личностями вроде Сезанна и Пруста. Прекрасная книга. Джона был весьма умен и хорошо писал – и это не то же самое, что сказать, что и при Муссолини поезда ходили по расписанию[12 - Итальянская поговорка.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Настоящий ник Джона Ронсона в Твиттере – @jonronson (здесь и далее – прим. перев.).

2

Английский поэт, писатель и оккультист; создатель учения телема.

3

Extreme Metaphors, by J.G.Ballard, Simon Sellars, Dan O'Hara.

4

Thomas Pynchon: Schizophrenia & Social Control, by Dan O'Hara, Eric Cassidy.

5

Вариация пельменей или вареников в азиатской кухне.

6

Легализованная возможность заключить партнерский союз для людей, не имеющих возможности или желания зарегистрировать брак по закону.

7

Национальный праздник в США – День независимости.

8

На русском языке книга вышла в издательстве «Corpus» в 2013 году.

9

The Fiddler Now Upspoke: A Collection of Bob Dylan's Interviews, Press Conferences and the Like from Throughout the Master's Career, by Bob Dylan.

10

На русском языке книга вышла в издательстве «Corpus» в 2013 году.

11

Proust Was a Neuroscientist, by Jonah Lehrer.

12

Итальянская поговорка.

Купити: https://tellnovel.me/ronson_dzhon/itak-vas-publichno-opozorili-kak-neznakomcy-iz-social-nyh-setey-prevraschayutsya-v-palachey

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)